

— Чем интересен актеру творческий процесс сегодня?

С этой темы началась наша беседа с Вячеславом Шалевичем, хорошо известным зрителю по работам в кино и Театре имени Вахтангова.

— Я думаю, возможностью сказать свое слово по поводу событий современной жизни. Сейчас уже мало быть просто органичным и правдивым на экране, актер сегодня выступает соавтором всего произведения в целом и трактует роль с точки зрения своего мироощущения, своего понимания действительности. Это стремление выразить себя, свое мировоззрение толкает актера на самую разнообразную работу в театре, в кино и на телевидении. Только оно дает ощущение полноты жизни, обогащает впечатлениями, будоражит фантазию.

Вячеслав ШАЛЕВИЧ:

ВРЕМЯ

— Значит, вы удовлетворены своей работой?

— Этот вопрос, казалось бы, очень простой и требующий однозначного ответа: «да» или «нет», на самом деле не так уж прост. Естественно, находясь все время в работе — в театре, на репетиции, на съемочной площадке или перед телевизионной камерой, как будто испытываешь чувство удовлетворения.

И все же почти всегда после сделанной работы не покидает ощущение, что мог бы сыграть лучше, интереснее, глубже, что где-то остался запас нерастраченных сил. Наверное, поэтому я не отказываюсь от работы в кино и на телевидении, если вижу в роли, которую мне предлагают, хоть крупицу нового и интересного.

— За 12 лет работы в кино, в театре и на телевидении у вас вырос немалый послужной список. В театре вы заняты в основном репертуаре — «Человек с ружьем», «Артем», «Виринея», «Иркутская история» и другие, так что жаловаться, по-видимому, не приходится. В кинематографе тоже более десятка ролей. Но, как видно, вы склонны более критически относиться к своему творчеству?

— Конечно, не все получается. Очень часто увлекаешься сценарием, работаешь над ролью, мысленно выстраиваешь ее, а когда приходишь на съемочную площадку, понимаешь, что твое видение не соответствует замыслу режиссера. Начинаются споры, разногласия, роль становится вымученной, чужой. Очень хорошо помню, как меня пригласили в картину «Молчат только статуи». Не могу сказать, что меня особенно заинтересовал материал сценария, но роль, которую мне предложили, показалась любопытной: на протяжении всего действия в ней не было ни одного слова. Естественно, собираясь на съемки, я напридумывал множество интересных деталей, которые помогли бы мне сыграть роль, уже выделась выразительные мизансцены, строгие, значительные

крупные планы. И каково же было мое разочарование, когда, приехав на съемку, я узнал, что авторы дописали текст и мой герой... заговорил.

И тем не менее есть роли, сыгранные мной в кино, которые до сих пор мне кажутся очень интересными. Одна из них — самая небольшая по объему — роль Бломкина в фильме «Шестое июля».

Вторая работа, которая до сих пор для меня остается одной из любимых, — это роль Григория в картине «Три тополя на Плющихе».

Надо сказать, что я очень долго отказывался от нее, мне казалась она вялой, схематичной. И только встреча с режиссером фильма Т. Лиозновой, рассказавшей о том, как она видит этот образ, какую смысловую нагрузку он должен нести в картине, заставили меня задуматься. «Я видела все ваши работы в кино, — сказала Лиознова, — и считаю, что именно сейчас вам необходимо попробовать себя на таком остром, характерном материале. Я верю в вас и вижу вас в этой роли».

И, наконец, нацдив Кутасов в картине В. Ордынского «Красная площадь». Должен сказать сразу, что таких сложных, глубоких, таких серьезных ролей в кино я до сих пор не играл. Меня привлекла цельность характера Кутасова — это человек огромной силы воли, внутреннего темперамента, человек страстный и неустойчивый и в своих поступках, и в своих убеждениях, и в своих взаимоотношениях с людьми. Мне нравилось, что роль в основном построена на действии, что в ней мало слов.

— Теперь несколько слов о телевидении.

— Здесь мне как раз пришлось работать много, разнообразно и интересно. Естественно, не все роли были одинаково удачны, но есть работы, которые я могу поставить в один ряд с театральными и кинематографическими. Это «Янтарное ожерелье», «Соучастие в убийстве», «Курьер Кремля», которые ставил Б. Ниренбург. С удовольствием вспоминаю работу над «Австралийскими рассказами» с А. Гончаровым.

— Но на телевидении вы работали и как режиссер?

— Не только как режиссер, но и как автор. Это была постановка, которой я и мои товарищи, Ю. Добиринов и Е. Федоров, отдали больше двух лет. Называлась она «А вы, товарищи?» и была построена на материалах III съезда комсомола, выступлении В. И. Ленина. В пьесе действовали исторические лица, а актеры говорили текст документов. Мы подняли огромный материал, нашли в архивах уникальные записки участников съезда, адресованные Владимиру Ильичу. Нам хотелось воссоздать художественными средствами сложнейшую обстановку политической борьбы, в которой приходилось работать В. И. Ленину.

Надо сказать, что сейчас специфика кино или телевидения для меня не представляет никакой трудности, и противоречий между ними я просто не вижу. Театр для меня — это школа, это каждодневный, постоянный труд, это общение со зрителем. Снимаясь в кино, я выхожу из узкого круга театральной репетиционной работы на съемочную площадку, я встречаюсь с разными людьми, людьми других профессий, я вижу жизнь, она питает мою фантазию, делает меня активным участником происходящих вокруг событий. Телевидение — это многомиллионный зритель, это возможность высказаться на самой большой, самой широкой и разнообразной аудитории, это разговор актера со зрителем с глазу на глаз. Поэтому телевидение так обязывает нас и так требовательно к нам.

Я вообще считаю, что актер должен много работать, много и жадно. Ведь только в работе отыскивается новое, оттачивается призвание, обнаруживаются совершенно неожиданные порой способности, склонности. Только в работе. Иначе я себе это не представляю.

Беседу вел А. ТАДЭ.
Фото Г. Тер-Ованесова.

РАБОТАТЬ